

Геннадий Васильев

Два ведра динозавров

Рассказы

Геннадий Васильев

Два ведра динозавров. Рассказы

«Издательские решения»

Васильев Г.

Два ведра динозавров. Рассказы / Г. Васильев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835958-3

Рассказы Геннадия Васильева — смесь реального и удивительного, очевидного и невероятного, горечи и юмора, горькой иронии и оптимизма. Основанные на настоящих переживаниях автора, они вводят читателя в знакомый — и в то же время другой мир. Мы входим в этот знакомый с детства мир как будто с черного хода.

ISBN 978-5-44-835958-3

© Васильев Г.
© Издательские решения

Содержание

Дурацкие рассказы. Из старых времен	6
Мой первый литературный опыт. По мотивам Марка Твена	6
Хренов	12
Сугробин	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Два ведра динозавров
Рассказы
Геннадий Васильев

© Геннадий Васильев, 2016

ISBN 978-5-4483-5958-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дурацкие рассказы. Из старых времен Бочка пива

Мой первый литературный опыт. По мотивам Марка Твена

Этот рассказ я написал давно. Он и стал моим первым прозаическим опытом. Дело было в начале 80-х годов прошлого века. Рассказ был простенький, история списана с натуры, как я слышал ее в изложении очевидца – нашего Кузьмича. Мы с моим другом Антоном работали тогда на стройке, в бригаде плотников-бетонщиков. Работать нам было неохота, мы мнили себя литераторами, в вагончике, в котором жили вдвоем – с нами еще Леха, он был отделочником и работал в другой бригаде, на другом участке – постоянно собиралась публика, которую мы определяли как богему. Мы читали стихи, пели под гитару, иногда слушали классическую музыку на примитивном проигрывателе – проигрыватель часто ломался, да и пластинок было мало. Ну и, конечно, сочиняли. Часто – ночами, поэтому регулярно опаздывали на работу. Бригадир косо на нас поглядывал, но молчал до поры.

В бригаде был один старый (старый – по нашим меркам: два года до пенсии; мы-то, сопляки, только-только подбирались к своему 25-летию), кадровый рабочий. Звали его Анатолий Кузьмич, или просто Кузьмич. Он был сухонький, невысокий, но жилистый и рукастый. Плотник-бетонщик он был высшего разряда, а еще – каменщик, стропальщик и Бог знает кто. И великий мастер травить анекдоты, а чаще того – истории из жизни. И вот однажды после обеда, когда бригада перекуривала в вагончике, бригадир Володя попросил:

– Кузьмич, расскажи молодежи, как в прошлом году тебя милиция замела за доброту твою!

Кузьмич разогнал ладонью чужой дым – сам не курил, – рассказал незамысловатую, но действительно смешную историю. В эпоху повального дефицита – а я рассказываю про то время, про ту эпоху – пиво, например, в нашем небольшом поселке было событием. И вот привезли в выходной пиво, а у Кузьмича на тот момент случились шальные деньги – что-то кому-то где-то построил или отремонтировал, – проходил мимо машины, с кузова которой это пиво продавали. Из деревянной бочки наливали в бидоны. У машины, конечно, толпились мужики. Черт ли Кузьмича дернул или бес нашептал, только пошелестел он в кармане своими сбережениями, подошел к машине сбоку и говорит продавщице:

– А продай мне бочку!

Та не поняла сначала – думала, он пустую бочку просит. А когда поняла – растерялась. Ну и продала. Кузьмич мужиков попросил, те сняли бочку, не понимая еще – в чем дело. Он ее раскупорил, попросил у водителя шланг чистый – не тот, через который он бензин сливает, – вставил шланг в бочку и говорит мужикам:

– Угощайтесь!

Те оторопели. А когда поняли, что он им бесплатное угощение предлагает – ну, тут пир и пошел.

– Только я с тех пор понял: халява – самое страшное для нашего человека, – говорит Кузьмич. – Они сначала-то очереди держались, а как бочка убывать стала – давай друг друга отталкивать. Я было вмешался – ну, прилетело мне.

А кончилось и вовсе смешно, хотя и грустно. Неподалеку от площади, где злосчастная машина с пивом стояла, находилось отделение милиции. Из окна блюстители увидели непорядок, вышел молоденький сержантик, мужиков усмирил – и спрашивает у продавщицы: кто, мол, инициатор беспорядков? Та и укажи на Кузьмича. Ну, его и загребли, а за сопротивление

ние – не хотел он идти, все пытался рассказать – как на самом деле было – еще и пятнадцать суток вклеили.

– А у нас – объект срочный, сдача, – это уже Володя, – пришлось аж через начальника стройки его из каталажки вызволять.

Мы в вагончике над историей посмеялись, пошли работать. А потом я написал про это художественный рассказ, кое-что изменив и приукрасив, конечно, и понес в редакцию.

Рассказ у меня не приняли. Заместитель редактора районной газеты, куда я принес рассказ, ничего толком сказать не могла сначала. Долго шелестела бумажками, хотя рассказ был всего на двух страничках. Потом вздохнула:

– Приходи завтра, поговорим.

О чем было говорить? Ну нет – так и сказала бы: «Не подходит!»

Я пришел завтра. Уже по тому, как тяжело и брюзгливо кряхтели под моими шагами ступени скрипучей лестницы, поднимая меня на второй этаж, я понял: ничего хорошего меня не ждет. И заранее жалел об этом. Рассказ был принесен с дальним прицелом, я очень хотел устроиться на работу в эту газету. Но редактор, нестарый, сорокапятилетний примерно мужик с убегающим взглядом, брать меня упорно не желал. И не отсутствие образования было тому виной – половина его корреспондентов не имела журналистского образования (район – не город), – а что-то другое, о чем он не говорил. И вот теперь тяжкое бремя ответственности за очередной отказ он переложил на хрупкие плечи своей замши, слабой и доброй женщины. А сам ушел в отпуск. Она бы, может, и напечатала, да и на работу бы взяла, пожалуй, но – установка.

В кабинете заместителя редактора, кроме нее, был еще один человек, я его узнал. Это был парторг стройки. Он иногда приходил к нам в вагончик, в котором мы жили втроем с моими друзьями, приходил чаще всего в отсутствие меня и Антона, специально стараясь застать на месте одного только Леху, который часто работал в ночную смену. Леха с виду казался простаком, и парторг пытался этим воспользоваться. За нашим вагончиком гуляла по стройке и поселку (потом он стал городом) дурная слава: будто были мы не то диссидентами, не то сионистами, и собирались у нас темные личности. Диссидентами мы были, наверно, потому, что часто громко вслух читали Евтушенко и Вознесенского, которые нам тогда казались самыми смелыми на поэтическое слово, а сионистами – потому что к нам часто действительно приходили две «темные личности», два московских еврея, люди живые, в меру просвещенные, а по условиям поселка – так просвещенные сверх всякой меры. Я их называть по именам не стану, они нам дальше в повествовании не понадобятся.

Парторг примитивно пытался расколоть нашего Леху на какое-нибудь нечаянное признание. Он просил налить себе чаю – отказать ему Леха не мог, парторг стройки, а вагончик – ведомственный, – потом поднимал к потолку глаза и, как бы вспоминая что-то, произносил, например:

– Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху огнем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,

обедал Бог знает с кем во фраке, – и спрашивал у Лехи: – Как там дальше – не помнишь?

Леха местами был человеком девственным в части культуры, но кое-что знал. Неиздаваемый еще Бродский у нас в рукописях водился. И простаком Леха не был. Он, конечно, мог сказать парторгу, что у автора – не «огнем», а «гвоздем», и не «Бог знает с кем», а «черт знает с кем», – но зачем? Леха наивно спрашивал:

– Это же из «Братской ГЭС» Евтушенко? Нет, что-то дальше не помню...

Раздосадованный парторг уходил, не допив чай и бормоча под нос:

– Навезут дурачков из провинции!..

Его короткий и негибачаемый ум не в состоянии был понять, что его «развели».

Вот такой человек сидел передо мной в кресле редакторской замши, а та робко притулилась на стульчике у стола. Как только я вошел, она вскочила, сказала:

– Я на минуту выйду к корректорам! – и больше уже не появлялась до конца нашей беседы.

А беседа была такая.

Парторг... чужой фамилией я его называть не стану, потому что любую фамилию он замазает, а его настоящую говорить брезгую, пусть будет: К. Так вот. Парторг К. сразу взял быка за рога. Он долго и тяжело на меня смотрел, долго и тяжело молчал – видимо, он так себе представлял психологическое давление. Потом взял с замредакторского стола два уже не совсем свежих листка с мой рассказом, подержал их перед глазами, как бы измеряя еще раз глубину моего нравственного падения, брезгливо положил листки на стол, спросил:

– Вот ты... вы понимаете – ЧТО вы написали?

Я пожал плечами:

– Рассказ. С натуры. Это реальный случай.

– Правда жизни, значит? – К. снова построил тяжелый взгляд. – Правда жизни и художественная правда – не одно и то же! Художественная правда – это... это – не правда жизни! Это – художественная правда!

Он чеканил бессмысленные слова, я смотрел на него с изумлением. Зачем звали-то? Рассказ – совершенно бытовой, претендующий на смешное, причем тут правда-неправда?

Парторг неожиданно встал, подошел ко мне вплотную – я забыл сказать, что все это время я так и стоял посреди кабинета, как вошел. Он подошел ко мне вплотную и вдруг спросил:

– Вы там общаетесь с этими... евреями двумя – кто они такие?

(Все-таки пригодились они в повествовании: Гуревич и Бейлин.)

– Вот эти – Гуревич и Бейлин, – они кто такие? – снова спросил парторг и придвинулся еще ближе.

Я снова пожал плечами:

– Наши друзья. А чем они вам не угодили-то? Они в стройуправлении работают, специалисты оба, один инженер, второй...

– Да знаю я – кто они такие! – раздраженно замахал рукой К. – Что вы мне тут рассказываете их автобиографию!

– Так вы же спрашиваете – кто они...

– Я спрашиваю в идеологическом смысле! – отчеканил парторг. – Кто они? К чему они вас ведут? Чему учат? Что подсовывают?

Я начал понимать – о чем он, и меня стал разбирать смех.

– А, вот вы о чем, – я сделал вид, что оживился. – Да, действительно подсовывают. Надо-ели уже, деваться некуда. Вот, «Братскую ГЭС» недавно вслух читали, помните, есть там – про рабов, про пирамиды...

Парторг свирепо уставился на меня, почти закричал:

– Что вы – сговорились?! «Братская ГЭС»... Знаю я, какая ГЭС у вас там... братская...

Он закончил неожиданно, но так, что мне запомнилось на всю жизнь:

– Мой вам совет: читайте поэта Михаила Дудина. А с этими товарищами вам лучше порвать навсегда. Общение с ними заведет вас в идеологическое болото, – последняя фраза прозвучала почти торжественно.

На этом мы и расстались. Замредактора так и не вернулась в свой кабинет: стыдно ей было, видимо. Я понял, что на работу в газету меня не возьмут из-за моей склонности очернять действительность.

И вот прошли годы, началась перестройка, другая жизнь – и я снова вспомнил про свой рассказ. Теперь на «очернительство советской действительности» наверху смотрели очень

даже положительно, и всякий, самый мелкий издатель, старался быть, как теперь говорят, в тренде, а тогда говорили – на гребне.

Газета к тому времени разделилась на районную и городскую (поселок стал городом), и бывшая замредактора стала редактором районной газеты. Теперь она сама определяла – кого печатать, а кому отказывать. Приняла она меня с распростертыми, про тот случай не вспоминала, и рассказ мой, не читая, прямо при мне отправила в набор. Сказала прийти завтра – вычитать гранки.

Я, как и несколько лет назад, пришел завтра. Ступени скрипели все так же подозрительно и недоброжелательно. Я насторожился. И не зря.

В кабинете редакторши (кабинет-то остался прежний, в котором она еще замшей сиживала), кроме нее, сидел еще Иван Юрьевич Кононенко, матерый, опытный журналист-сельхозник. Про Ивана Юрьевича ходили легенды: будто он по одному внешнему виду каравая мог отличить – из какой муки тот был испечен, а по срезу говядины сказать – чем коровушку кормили при жизни и на каком году ее этой жизни лишили.

И еще кое-чем был знаменит Иван Юрьевич Кононенко в журналистских кругах. Он никогда не писал газетный материал объемом меньше, чем на полосу. На работу он всегда приходил, неся с собой в портфеле литровую банку бражки, ставил ее в стол – и писал, отхлебывая. К концу дня был весел и непринужден. Впрочем, материалы его выходили добротные, в них невозможно было найти фактических ошибок, и поэтому районные аграрии, со многими из которых он был на «ты», его уважали.

Вот такой человек теперь сидел передо мной – и улыбался блаженно.

– Здорово! – Иван Юрьевич встал, протянул руку. – Садись, поговорим.

Редакторша сказала:

– Я на минутку к корректорам! – и вышла.

Ничего еще не понимая, я все-таки забеспокоился.

– Я тут случайно в наборе твой рассказ увидел... – задумчиво сказал Иван Юрьевич и замолчал. Он рассматривало меня некоторое время, потом взял гранки (гранки! мой рассказ уже был набран, уже был готов пойти к читателям!), положил их перед собой.

– Давай я тут некоторые... избранные места прочту, обсудим.

Я начал заводиться.

– А чего обсуждать-то? Все с натуры писано. Не подходит рассказ – ну, пусть мне редактор об этом скажет, я в другое место отнесу... в журнал отправлю.

– Ну, можно и так, – весело сказал Кононенко и вдруг засмеялся. – Слушай, а ты правда не читал у Марка Твена «Как я редактировал сельскохозяйственную газету», нет?

– Не читал и не собираюсь! – ответил я раздраженно. – Сатира-юмор – это не мое, я считаю, жизнь заслуживает серьезного к ней отношения!

Кононенко изумленно уставился на меня.

– Жизнь заслуживает серьезного отношения? Ну, старик, ничего смешнее я еще не слышал... Ладно, черт с тобой, – он убрал ухмылку. – Давай тогда говорить серьезно. Вот у тебя тут есть портреты мужиков – очень колоритные. Они же сельские, мужики-то эти, так я понимаю? Ну, они у тебя тут – трактористы, дояры, скотники...

Я кивнул согласно.

– Сельские.

– И они такие... передовики производства в основном, да?

– Ну да. Это – чтобы контраст построить: типа – передовики производства на работе – а вот бытовая ситуация, соблазн небольшой – и они уже ведут себя, как...

– Ну да, ну да, как скоты! – весело закончил Кононенко и опять почему-то засмеялся. Но тут же снова посерьезнел. – Тут у тебя один передовик «с бородой ежиком» – кстати, как это – «борода ежиком»? Ну, неважно. Так он у тебя экономит в сезон на тракторе ДТ-75 тонну

бензина. Крутой мужик. Кстати, трактор ДТ-75 работает не на бензине, а на дизельном топливе, которое в просторечии называют соляркой. Да ладно, пускай и это неважно. Но вот тут дояр есть – шедевр! Доска почета по нему плачет и выставка достижений... Он у тебя доит от одной коровы по центнеру молока за раз. Ну, в Израиле, я читал, действительно случается годовой надой до 12000 литров от коровы, делим на месяц, получаем 1000, делим на количество дней... ну, центнер-то все равно не выходит! А мы – не в Израиле, в Сибири. Ты бы хоть поинтересовался у кого. Да хоть у меня.

Иван Юрьевич как-то враз утратил веселье, говорил он со мной, скорее, уже грустно. А я, пристыженный и бездарный, сидел перед ним дурак-дураком.

– Ну, больше тебя мучить не буду, только одно вот еще замечание. У тебя герой-то, Петрович, откуда деньги на пиво взял – от вырученной картошки?

– Так сдают же картошку-то, каждый год сдают, сам видел...

– Сдают, – согласился Кононенко. – Верю, что видел. В календарь смотрел – когда видел-то? У тебя в рассказе дело происходит в середине июня. Картошку у нас когда копают, в Сибири? Эх... – он безнадежно и как-то обиженно даже махнул рукой. Отдал мне полосу с гранками рассказа – если сначала мне запах типографской краски казался приятным и обнадеживающим, теперь краска неприятно воняла, и больше ничего. – Ты свой рассказ в таком виде никому больше не показывай. Я – добрый. Другие побить могут.

Я вышел из редакции, оглушенный, пристыженный, униженный – кем? чем? – собственной бездарностью и глупостью. Понятно было, что после такого... дебюта меня не возьмут в эту газету даже курьером. Лить мне пожизненно бетон, класть кривую кирпичную кладку (она у меня получалась исключительно кривая), писать графоманские строчки ночами: «Даль голубая, синь бесконечная, Травы в слезинках росы... Здравствуй, Сибирь, моя, добрая, вечная, Я – твой хозяин и сын!» – было у меня такое стихотворение...

«Напиться, что ли?» – подумал я и побрел к магазину, где торговали вином. Вчера на стройке выдали получку, и деньги у меня были.

А в магазин завезли пиво. Его продавали из деревянной бочки. Сверху был ввинчен специальный кран, и пиво разливали в банки, бидоны. Мужики толпились, очередь была человек сорок. И вдруг меня осенило: «Вот он, момент искупления!» Почему «искупления»? А шут его знает! Но так я подумал тогда.

С трудом протолкавшись сквозь плотную железобетонную очередь («мужики, я только спросить, честное слово!») к продавщице, свирепой от внезапно навалившейся работы, я спросил:

– Если я бочку куплю – сколько стоит будет?

Та не поняла сначала, потом до нее дошло, что ей же меньше работы, она быстро посчитала, зарплаты моей хватило с лихвой и еще много осталось. Бочку по моей просьбе выкатили на площадь перед магазином («Ты только кран потом мне верни!» – строго и счастливо наказала продавщица), я громко крикнул: «Мужики, угощаю, наливайте, пейте даром!» Поняли не сразу, а когда поняли – пир пошел тут же, пить стали, не отходя, и по-новой становились в очередь. А я, довольный, со стороны наблюдал за всем. Даже желание выпить пропало: так стало мне хорошо.

Помаленьку бочка пустела, в толпе началось волнение. Стали друг друга отпихивать, ругаться начали. Я забеспокоился: «Мужики, да всем хватит, вы чего!» – и тут же получил в ухо. Обернулся – передо мной стоял невысокого роста мужичонка, и борода у него была – ежиком, напрасно Кононенко говорил – «так не бывает!» Всяко бывает. Мужичонка на меня злобно глядел и цедил сквозь зубы: «Провокатор! Я тебя, суку...» – и снова норовил дать мне в ухо.

Спас меня участковый. Видимо, его вызвала продавщица. Он подошел сразу ко мне, крепко взял под руку, отвел в сторону.

– Ты пиво купил?

Я кивнул.

– Пошли. Хулиганство оформлять будем.

...В «обезьяннике», куда обычно собирали алкашей и бомжей, я сначала долго не мог прийти в себя от такого поворота собственного сюжета.

А потом стал смеяться. Я понял, что многого в этой жизни еще не знаю. И не только потому, что ничему и никогда не учился – просто потому, что жизнь не вижу, хотя и смотрю на нее.

Я понял, что жизни, как любой науке, надо учиться.

И я стал учиться жизни.

Хренов

Фамилия его была – Хренов. Звали Тихон. Родители были такие – любили старые русские имена: Тихон, Краса (так звали его сестру). А нового ребенка собирались назвать Виолончель. Во-первых, потому, что доктора даже с новыми технологиями не смогли определить пол – два разных сеанса дали разные, поло-противоположные результаты, а третий и вообще неприличный. Во-вторых – потому, что бабушка и дедушка были музыкантами-виолончелистами. Хотя дедушка играл на барабане, кажется, но считалось – на виолончели. Из уважения к бабушке: она умерла раньше.

Нового ребенка не получилось, получился выкидыш. Оказалось – их было двое. Мама сильно переживала: как же для второго не придумали имя?! Так и скончалась, мучая себя. Отец ее недолго пережил: спился. Ну, что делать...

В общем, Тихон Хренов.

В школе ему дали два прозвища: Тихон Хренников в честь известного композитора – для тех, кто понимает, – и Тихоня Хренов – потому что не высовывался. Никогда руки не поднимал, к доске не просился, никогда не откликнулся на «Кто готов к ответу?». Но всегда все знал, причем знал на «пять», а отвечал на «четыре». Чтоб не высовываться.

Так и жил до выпускного класса Тихоней.

В выпускном или сразу после (очевидцы говорят разное) плоть его взбунтовалась, и он изнасиловал девочку. Ладно бы – одноклассницу, а то ведь – студентку, будущую медичку! Как он это сделал – не рассказывал, не рассказывала и она. Только стыдливо роняла руки. История стала известна, его хотели посадить, но богатые родители девочки поставили условие: не станем настаивать, если женишься! Он подумал. Женидьба – процесс обратимый, можно и развестись, в Советском Союзе живем. Согласился. И тут – коса на камень: она сказала: «Я за него выйду только в гробу!» В смысле – «В гробу я видала такого жениха!» Уперлась – и ни в какую.

Свадьба не состоялась.

Ее родители, чтобы избежать кривотолков и сплетен – благо, были богатые, – переехали в другой город и другой регион. Вместе с ней, конечно. Следов и писем не оставили.

А он, немного подумав, понял: изнасиловал ту, без которой жить не может. Ну, что делать... Он придумал – что. Жить-то не может. Нашел веревку, пошел в лес...

Его не сразу хватились: некому было хвататься. Сестра его еще раньше спуталась с каким-то турком и уехала. И пропала в Турции. Пошла по рукам, одни говорили. Другие – что очень удачно устроилась и российских родственников потому не вспоминает: смазать свою жизнь боится.

Потом все-таки соседи обнаружили пустую квартиру, понаблюдали за ней – ну, пустая, даже украсть нечего! И никто не приходит.

Заявили в милицию (тогда еще милиция была): пропал человек.

Стали искать – нашли: болтается и уже припахивает. Даже сильно пахнет. Сняли, увезли в морг, вскрыли... Понятно, умер от удушья – но! Побочный диагноз: сифилис, и очень запущенный!

Если кто не знает, в старые времена (советскими их называли) сифилис был диагноз криминальный. Стали искать источник. По опросам получилось, что ни с кем, кроме той девочки Нины, он сношений не имел.

Стали искать девочку Нину. Всесоюзный розыск объявили!

Нашли...

На могиле девочки Нины в далекой от описываемых событий республике написано: «Спи, наша девочка! Здесь тебя никто не потревожит...»

Сугробин

Приехал я как-то с приятелем в родную деревню – показать, как жил в прошлой жизни. Поставил машину в проулке, чтобы не мешать другим, идем по улицам, я ему показываю: здесь это было, здесь то, а здесь вот и до сих пор стоит, только покосилось... Никого уж из одноклассников, дружков детства и юности, в деревне не осталось: кто, как мои родители, сам помер, кто спился, кто повесился, у кого, слава Богу, все сложилось и потому они, конечно, не в деревне живут. То есть встретить знакомого совершенно невозможно, никакого риска, что разоблачат тебя, даже если соврешь.

И вдруг навстречу идет существо такое: не то баба, не то мужик, в старую телогрейку запахнутое (дело было зимой – не лютой, но все-таки сибирской), в такой же старой козьей шали на голове, из-под телогрейки – юбка, из-под юбки – валенки. Рост при этом – под два метра. А на морде – усы густые, черные, и реденькая такая, не в пример усам, борода. Приятель аж остановился – что за чудо такое! Чудо с нами поравнялось, пристально на меня посмотрело – и вдруг поздоровалось писклявым таким голосом:

– Здравствуй, Саша! Давно не приезжал.

Тут я его (это был все-таки он) узнал. Ответил, остановился, поговорили немного – кто недавно умер, кто уехал, как деревня живет. «Хреново живет, конечно, как все деревни». Покурили – я угостил. Односельчанин нет-нет – да поглядит на приятеля моего, а тот всё ничего понять не может, и на лице его – растерянность и недоумение.

– Ладно, – пропищало дискантом чудо, затоптало окурок и засмеялось тоненько, – пойду, а то друг твой совсем от страха ё... нется. Ты ему расскажи уж, а то спать ночами не будет – что за чудо ему привиделось, станет думать. Ну, давай, покудова.

И пошел.

Приятель дико посмотрел ему вслед, потом – выжидательно – на меня.

– Ну?..

– О, это история! Ну, слушай...

* * *

Дело было в эпоху холодной войны и железного занавеса, в пору правления бровастого генсека. Не знаете, что такое железный занавес и холодная война? Ну, погуглите. И с бровастым генсеком, если не знаете – кто это, гугл тоже поможет. Он, гугл, все знает, как КГБ в старые времена. Я кратенько поясню: холодная война – это когда мы были против всех (кроме тех, кого кормили с ладони), а железный занавес – это чтобы никто не видел, что у нас внутри. Примерно как сейчас или как скоро будет, только тогда еще в каждом доме было проводное радио, и мы возбуждали себя по утрам гимном – тем же, что теперь, только с другими словами.

Историю эту я помню хорошо потому, что был в то время уже не мальчиком и даже не юношей: отслужил в армии и вернулся в деревню, работал трактористом. Деревня наша... назовем ее Березовка, потому как в Сибири у нас этих Березовок не то что в каждой области и каждом крае – в каждом районе по несколько штук случается. Так вот. В нашей Березовке был совхоз. Худенький такой совхозишко, в три отделения, одно другого краше. Не везло совхозу с директорами: то пьяница, то вор, то всё вместе. Глядя на директоров, и народ вел себя так же: пил и воровал. За все время существования хозяйства, до самой кончины советской власти, случился один нормальный директор: не пил, не воровал и народ к тому же призывал. На несворованные деньги успел построить целую новую улицу казенных двухквартирных домиков. Народ вроде востепенулся, поверил в него, о работе вспомнил, о деле, стал заново руки к делу приспособливать... Его парторг сожрал, скотина. Парторг был вечный, неснимаемый, ему вороватые и пьяные директора нравились больше, чем трезвые и честные. При тех он себе жизнь устроил, дом отгрохал, а при этом даже кабинет не мог толком оформить: новый

директор его в другой кабинет пересадил, поменьше и поскромнее. Старый был – с мраморными статуями и персональным туалетом.

У трезвого и честного директора была одна страстишка: бабы. Сам-то он еще жениться не успел, хотя было ему вокруг сорока, но что-то не получилось, не сложилась как-то жизнь в этой части. Он и тешил себя, как в книжках пишут, случайными связями, не превращая эти связи в брачные узы. Но и здесь тоже вел себя честно: обихаживал незамужних или разведенных. Или вдов, которые в деревне тоже были. Повальное пьянство без жертв не обходится.

Да ему и обихаживать не надо было: мужик видный, чернобровый, черноусый, и имя – Владлен. Понятно, в честь кого. Бабы к нему сами и липли, чуть не очередь занимали. И вот одна вдовушка попалась вредная, решила его на себе женить, а он не хотел никак, и вообще понимал, что зря с ней связался. Больно уж вредная и корыстная. Бабенка по благу устроила себе справку о беременности, пришла к парторгу, пустила слезу, тот настучал кому надо по партийной линии, пока разобрались – что к чему, директора убрали. Из партии не погнали, но перевели в другой совхоз от греха. Бабенкину хитрость разоблачили и пригрозили. Та загрустила: дура, хоть временный мужик был, а теперь? И другие бабы ей коварства не простили, стали обходить ее.

В совхоз прислали нового директора, задубевшего от профессионального пьянства, он в первый день позвал парторга, закрыл дверь – и они напились за знакомство. Все пошло, как всегда.

Но не о том история.

В совхозе был бригадир, тракторист-комбайнер, звали его Федор Михалыч. Как Достоевского. Только фамилия была – Сугробин. Он и был здоровенный, как сибирский сугроб. Он один в совхозе исправно работал при всех директорах, не пил, не воровал и бригаду держал навтыжку. Неплохо зарабатывал, жена его торговала в хозмаге (не знаете, что такое хозмаг? Гугл в помощь!), растили троих ребятишек-погодков и думали родить четвертого... Не случилось.

Как-то утром, причесываясь перед зеркалом и любясь своим сильным голым торсом, Федор Михалыч вдруг заметил, что у него соски на груди как-то странно набухли, как будто воспалились. «Застудил где или инфекция какая?» – других мыслей не родилось. Покачал головой: пройдет. Мужик он был здоровый, отродясь ничем, кроме простуды, не болел, потому ничего не боялся и скоро забыл о том, что видел в зеркале.

В другой раз тоже утром, бреясь опять же перед зеркалом, он хотел помочь радиоточке допеть гимн – и неожиданно заорал пронзительным дискантом. Жена испуганно выглянула из кухни:

– Чего это, Федя? Это ты, что ли?

Федор Михалыч смущенно пожал плечами, откашлялся.

– Да вроде я, – сказал уже нормальным голосом и успокоился. – Не знаю – может, в горло что попало.

По субботам Федор Михалыч, как большинство мужиков в деревне, ходил в общественную баню с парилкой. Была и своя баня, но общественная – отдельное удовольствие. Парилка там – место общения, мужской клуб. Там рассказывали сальные анекдоты, но и делились взглядами на жизнь. А после баньки продолжали обмениваться взглядами в буфете, который находился здесь же, в соседнем с кассой помещении. Там продавали ядреный брусничный морс и, конечно, разливное пиво. Вот и в ту субботу Федор Михалыч собрал, как обычно, специально для бани назначенную балетку – маленький чемоданчик с замком, пошел в баню, предвкушая удовольствие и от парилки с веничком – нес его под мышкой, веники он заготавливал самостоятельно на весь год, летом, в сезон, – и от общения с мужиками. Раздеваясь, услышал сзади, у соседней кабинки:

– Мать-перемать! Ну что за дура, ей-богу! – ругался на чем свет стоит Сергей Иванович Мельников, совхозный токарь, грузный квадратный мужик. – Ну смотрите, что она мне положила! – он тряс перед собой большими женскими трусами. – Перепутала, дура! А я теперь как? Ну... – и снова матерился забористо.

Мужики ржали. Вдруг, отсмеявшись, один из них сказал, внимательно глядя на Федора Михалыча:

– Слышь, Михалыч, может, они тебе подойдут? Чего-то сиськи у тебя отросли, как у бабы.

Мужики снова заржали. Федор Михалыч хотел было приласкать шутника своей могучей рукой, но передумал. Баня как-никак, суббота... праздник почти. Но мылся и даже парился уже без привычного удовольствия. И то и дело ловил на себе любопытные взгляды. А еще заметил, что как-то... стеснялся. Неловко почему-то было ему, что вокруг – голые мужики, и он среди них – тоже голый. Пиво пить не стал, сразу пошел домой, хмурый и озадаченный.

Дома, однако, выпил привычные сто граммов, закусил, выкурил две папиросы – и как-то рассосалось, забылось, мир снова стал добрым и привычным. И косой, украдкой, изучающий взгляд жены тоже не заметил. Не обратил внимания. Мы часто не замечаем – как на нас смотрят наши близкие. Очень уж они привычны, слишком уж близки.

Ночью перед сном Федор Михалыч почувствовал нежность к жене.

– Мы ж хотели с тобой четвертого?

Жена была не против. А он посопел – и ничего не смог. Это случилось впервые за много лет их жизни. Ошарашенный, оглушенный первой в жизни неудачей, Федор Михалыч, натянув трусы, пошел в кухню курить. Дети спали в дальней комнате.

Жена вышла к нему, села напротив, посмотрела на него прямо. Свет не зажигали, только луна бросала косой луч на клеенку стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.